

Марку Кассу, Джеффу Нэггсу и другим
друзьям моих юных лет, проведённых
в городке Шерберн-ин-Элмит
в Западном Йоркшире

1

Старый самец ворочался во сне. Он снова и снова переживал сражения, в которых бился в те далёкие дни, когда его зубы были ещё крепкими и острыми. Это теперь они сточились до коричневых пеньков, а тогда внушали страх всему живому.

Он вспоминал, как загрыз большущего лиса, с которым не поделил дождевых червей. Потом была норка, свирепая пришелица из дальних краёв. Она явилась за его детёнышами. Драки с этой тварью он не забудет никогда — да и как тут забыть, с такими-то отметинами на горле от её зубов.

Но задолго до этих сражений, когда он был совсем ещё щенком, к их норе пришли люди с собаками и принялись убивать, убивать... Его спасла мать — вынесла в своей пасти и спрятала в безопасном месте. После она ушла за другими детёнышами и больше не вернулась. Он остался один в целом мире.

Но, как ни удивительно, выжил, еле-еле перебиваясь червями и падалицей. В первую зиму пришлось особенно туго — он мёрз и голодал, но выдержал и остался в живых.

Теперь он — старый вожак семейства. Полный сил, но всё-таки уже не тот, что прежде.

Он лежал у себя в норе и в полусне в который раз вспоминал тех людей и тех собак, когда внезапно все его чувства разом обострились.

В ноздри ударил резкий запах. А потом раздались и звуки. Он почуял, как по подземным ходам разливается страх, и понял, что пробил его час.

Он встряхнулся.

Что ж, значит, старого бойца ждёт ещё одна — последняя — драка.

2

— Просыпайся, Ники! Просыпайся!

Просыпаться мне не хотелось. Я хотел ещё поспать. А ещё больше хотел просто остаться в тёплой постели. С тех пор как взорвался отопительный котёл, каждое утро превращалось в адскую пытку. За ночь оконные стёкла изнутри покрывала такая толстая изморозь, что на ней можно было написать пальцем своё имя.

— Просыпайся, Ники! Нам пора.

Это, конечно, был Кенни. Мой брат. Его называют недалёким, и он такой и есть. Я знаю, что называть людей недалёкими в наше время считается неприличным, но Кенни это слово подходит как нельзя лучше. У него в голове нет тараканов, как у некоторых.

Он не вычисляет днями напролёт углы треугольников и не придумывает другим всякие гадости. Просто он считает, что все люди такие же добрые, как он сам, и умеет думать не больше одной мысли за раз.

Когда Кенни появлялся на свет, его мозг перенёс кислородное голодание, и от этого он теперь, как говорят взрослые, отстаёт в развитии. Но по моему, как я уже сказал, просто называть его недалёким лучше, добрее и честнее, чем приплетать всякие «нарушения» и «ограниченности» чего-то там.

Иногда мне хочется быть таким же недалёким и счастливым, как Кенни.

— Ну давай, Ники, — не отставал Кенни.

Я приоткрыл один глаз и посмотрел на окно. На улице было темно как в могиле.

Но лучше бы я этого не делал.

— Ха! — радостно воскликнул Кенни. — Я всё видел. Ты не спишь. Вставай, и пойдём.

— Кенни, отстань, — сказал я. — Ещё жутко рано и чертовски холодно.

Но Кенни не слушал. Он силой вытащил меня из кровати, и я опомнился, только уже натягивая штаны.

— Кенни, ты что вообще устраиваешь? — спросил я, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал сердито. Сердито с Кенни разговаривать нельзя, потому что он от этого расстраивается.

— Идём, — ответил он. — Будет здорово.

3

— Не дай бог, оно того не стоит, — сказал я, когда мы с Кенни уже прошли половину Мургейт, главной улицы нашего городка. Воздух был такой холодный, что при вдохе ломило зубы, и поэтому приходилось держать рот закрытым и дышать только носом.

Главная улица из Мургейт — так себе. Достопримечательностей на ней раз-два и обчёлся: супермаркет «Спар» и два паба — «Масонский герб», куда ходит мой отец, и «Красный медведь», куда отец не ходит, потому что его туда не пускают. Ну ещё парикмахерская и давно закрытый городской клуб. Вот и всё.

На светофоре мы свернули на Кёрк-лейн, на которой расположены закусочная, где кормят жареной рыбой с картошкой, ещё один паб, «Лесники», и в самом конце — церковь.

Уже немного рассвело, и на фоне неба проступал силуэт церковной башни. Церковь была очень древняя и своим видом всегда наводила на меня жуть, но утром эта жуть была не такой жуткой, как по вечерам. Утром ты как бы понимал, что всякие призраки, вампиры и остальная нечисть уже попрятались обратно по своим могилам, склепам или куда там ещё им положено прятаться при свете дня.

Было бы дело тёмным вечером, мы с Кенни обязательно попугали бы друг друга — уууууууууууууу! — притворяясь привидениями, а сейчас просто прошли мимо церковного кладбища, думая только о том, какая же стоит холодина.

На мне была парка с капюшоном, но и то я дрожал, как наркоша. У Кенни же, который вырядился в красную шапку с помпоном, дурацкий свитшот с Доктором Кто и джинсы, натурально посинели руки.

У меня было беспокойно на душе, и не только из-за самого отстойного на свете свитшота: я должен был заставить брата надеть куртку, но спросонья не сообразил.

Кенни не чувствовал холода, пока окончательно не задубевал, а как задубеет, начинал выть и стонать, и не переставал, пока не приведёшь его домой и не усадишь к газовому камину.

Тем временем мы вышли на проложенный среди полей просёлок, и я начал наконец догадываться, куда мы с Кенни направляемся.

4

Почти вся местность вокруг нашего городка плоская, как сковородка. Поэтому она сплошь засажена